

<https://doi.org/10.59849/2313-5204.2025.1.130>

**FOLKLOR
ФОЛЬКЛОР
FOLKLORE**

НОДИРЖОН АБДУЛАХАТОВ (Узбекистан)*

**ФОЛЬКЛОР УЗБЕКСКИХ НАРОДНЫХ ПОХОРОННЫХ ПЛАЧЕЙ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ)**

Аннотация

В статье довольно подробно анализируется жанр плача, приводятся отрывки плачей-песен, причем, основное внимание уделяется похоронным причитаниям, также рассматриваются и другие обряды, обычаи и ритуальные церемонии, связанные с проведением погребальных и поминальных обрядов.

Деструктивная сила смерти на протяжении всей человеческой истории оказывалась импульсом к культурному творчеству. Человеческое сообщество выставляет против смерти, исчезновения и небытия не только свою веру в загробную жизнь и/или воскресение, но и мощный заслон из слов, вещей и действий. У всех народов имеются верования в души или духов и загробную жизнь, и все проводят особые ритуалы, когда люди умирают.

Как правило, погребальные ритуалы служат переводу смерти в разряд пусть и экстраординарных, но домашних дел, дел семьи и общины. По-видимому, особую роль в этих ритуалах играли женщины. Автор проследил историю традиции похоронных оплакиваний, которая стремится к экспансии, но подавляется и ограничивается со стороны официальной или религиозной власти.

Ключевые слова: *траур, церемония, смерть, история, скорбь, разлука, несчастье, могила, табу, фольклор, похороны, обычай.*

Начиная с древнейших времен, у тюрко-язычных народов существовали различные церемонии, связанные с погребальными обрядами. Многие современные авторы, изучавшие эту сторону народного быта, приходят к выводу, что в цикле семейно-бытовой обрядности погребальные и поминальные обряды являются наиболее консервативными, дольше

---

* Доктор исторических наук, профессор педагогического центра Ферганской области.
E-mail: an_igp@mail.ru

сохраняющими свои традиционные, в том числе и домусульманские черты. В частности, еще сегодня в похоронных обычаях части узбеков и таджиков явственно проступают древние черты обрядности, связанной с зороастризмом или предшествовавшими ему верованиями (Басилов, 1984:42).

В современных условиях некоторые из них стали забываться в связи с изменениями в социальной сфере, мировоззрении людей и их морали в изменившемся мире. Но отголоски былых традиций все еще сохраняются в узбекском фольклоре, и их изучение может дать материалы не только для пополнения фонда народного литературного творчества, но и послужить важным источником социальной и культурной истории узбекского народа.¹

Целью данной работы является ввод в научный оборот новых материалов по причитаниям и плачам как составной части погребального поминального обряда, и которые еще не были освящены в литературе.

В далеком прошлом у тюрков существовал обычай оплакивания умершего. О ритуальном обряде плача по покойникам у древних тюрков сообщается в большой надписи знаменитого памятника Кюль-Тегина, где имеется термин *сыгит*, а «плачущие, стонущие» названы *сыгитчи*. (Малов, 1951:56). Даже в древнетюркской сказке о Хайты-Каре упоминается обычай ритуального оплакивания умершего. В этой сказке мать героя оплакивает своего сына и причитает: «Единственного моего сына не стало, ничего у меня не осталось, бедное дитя мое. Имущества у него было с гору, скота как караганник ... что теперь буду делать?» (Дьяконова, 1974:263).

На пенджикентской фреске в «сцене оплакивания» изображены также плакальщицы и участники церемонии, надрезающие мечами мочки ушей, или рвущие волосы на голове (Рахимов, 1953:120). Вот как трактует эту фреску М.М.Дьяконов: «В центре всей композиции находится катафалк, изображенный в виде деревянного павильона с арочками и красным матерчатым куполом, натянутым на деревянный каркас. В проемах трех арок – распростертое тело юноши и фигуры плакальщиц, рвущих на себе волосы» (Дьяконов, 1954:111)

Ритуал оплакивания зафиксирован и в памятниках письменности. О согдийском обычае оплакивания некоего небесного отрока и ритуальных поисках его костей рассказывает китайский путешественник Вей Цзе: «Они

---

¹ Об этом см: Музайяна Алавия. Ўзбек халқ маросим қўшиқлари. Т.:Фан, 1974; Саримсоков Б. “Ўзбек маросим фольклорлари // Ўзбек фольклор очерклари. Уч томлик, биринчи том. Т.:Фан, 1988; Турдимов Ш. Йиғи-йўқловлар. Ёшлик, 1990. №12; Насриддинов К. Ўзбек дафн ва таъзия маросимлари. Т.: Абдулла Қодирий номидаги халқ маросим нашриёти, 1996; Абдулахатов Н. Ўзбек халқ йиғиларида қадимги урф-одатларнинг акс этиши. // «Ўзбекистон тарихининг айрм долзарб муаммолари» мавзундаги вилоят илмий-назарий анжумани материаллари. Фарғона, 1999; Абдулахатов Н. Ўзбек халқ йиғи маросимлари тарихидан // Фарғона Давлат университети илмий хабарлари. Фарғона, 1999. № 1; Ўраева Д. Мотам маросими айтимларининг ижро босқичлари. // Ўзбек тили ва дабиёти. 2003.№ 5; Пайзиева М. Мотам маросимининг айрим жиҳатлари. // Марказий Осиёда анъанавий ва замонавий этномаданий жараёнлар. 2–қисм. Тошкент, 2005; Пайзиева М. Ўзбекларда таъзия маросимлари: аналогик ва қиёсий таҳлили. // Ўзбекистон этнологиясининг долзарб муаммолари. Тошкент-Наманган, 2007. (Вышеуказанные книги и статьи напечатаны на узбекском языке).

(жители Самарканда) поклоняются небесному богу и в высшей степени его почитают. Они говорят, что божественное дитя умерло в седьмом месяце, и, что кости его потеряны. Служители бога, когда наступает этот месяц, надевают черные одежды со складками. Они ходят босиком, ударяют себя в грудь и плачут, и на их лица мокрота сливается со слезами. Мужчины и женщины расходятся, чтобы искать тело божественного ребенка. На седьмой день обряд подходит к концу» (Беленицкий, 1954:77).

По сведениям, приведенным Абу Райханом Беруни (973-1051), в конце десятого месяца согдийцы оплакивают своих умерших: «В конце этого месяца жители Согды плачут по своим древним покойникам. Они оплакивают их, расцарапывают себе лица и ставят для умерших кушанья и напитки, как это делали персы в Фервердаджани». (Беленицкий, 1954:81). Об оплакивании умерших идет речь в согдийском документе, найденном при раскопках замка на горе Муг (местность в верховьях реки Зарафшан), представляющем собой договор по продаже земельного участка для положения там умершего и совершения над ним обряда оплакивания (Лившиц, 1962:48). Оплакивание покойников, как отмечал А.М.Беленицкий, занимает значительное место в описании похоронных обрядов в «Шах-намэ» (Ягодин, 1967:140).

Арабский путешественник Ибн Фадлан, описывая обычаи и обряды волжских булгар X-го века, сообщает следующее: «Над покойником плачут не женщины, а их мужья. Они приходят в день смерти и, подойдя к дверям жилища покойника, крича дикими голосами, плачут, как могут» (Татары среднего Поволжья и Приуралья, 1967:414).

У современных узбеков Ферганской долины похоронные плачи «*yig'i yo'qlov*» начинают присутствующие родственники сразу же после смерти человека. Оплакивают и мужчины и женщины, но делают это отдельно. Основные тематические элементы причитаний разных народов, в том числе узбекского, составляют: 1) горестные восклицания; 2) жалобы по поводу утраты и тяжелых последствий, вызванных смертью, ухудшившей положение оставшихся в живых; и, наконец, 3) восхваление достоинств покойного с целью умиловить его душу и заручиться ее благоволением и помощью как ходатая и заступника перед богом.

На основе материала, собранного по Ферганской долине, можно провести условную классификацию похоронных причитаний по нескольким циклам: 1) плач над матерью; 2) плач над отцом; 3) плач над мужем; 4) плач над невестой; 5) плач над сыном; 6) плач над дочерью; 7) плач над братом; 8) плач над сестрой; 9) плач над бабушкой; 10) плач над дедушкой; 11) плач над дядей; 12) плач над тетей и т.д. У узбеков и таджиков Ферганской долины во время похоронных обрядов, в основном, плачут женщины. Как отмечал В.Г.Базанов: «Причитания – специфическая женская поэзия, по преимуществу, лирическая, лирика больших переживаний. И возникают они под впечатлением таких драматических событий народной жизни, как смерть

близкого человека, тяжесть положения сироты или вдовы» (Русская народно-бытовая лирика, 1962:5).

Например:

*Сиз кетдингиз қайга борай вой отам?
Уйимни бўшатиб кетдингиз вой отам.
Сиз билан хаёт эдим вой отам,
Жоним менинг отам вой отам.*

Ты ушел(ушла), я куда пойду, ох, батюшка?
Ты сделал пустым мой дом, ох, батюшка.
Я тобой живу, ох, батюшка,
Душа моя, батюшка, ох, батюшка.

По некоторым сведениям, в прошлом, в Туркестане мужчина при оплакивании днем обыкновенно брал «*xassa*»(палка, посох) и, опираясь на нее, плакал, стоя перед домом. В народе их называли «*xassakashlar*», т.е. «люди с посохами». Об этом упоминает А.П.Федченко (1844-1873) в своей книге «Путешествие в Туркестан»: «...Я упомяну здесь только о двух сценах, виденных мною на улицах. Обе они печальные; первая - похоронная процессия, мало напоминая мне то, что видел раньше, например, в Самарканде, два плачущих мальчика с палками открывали шествие; затем несли носилки, завешенные белой материей, скрывавшей покойника, в головах у которого был положен халат; сзади шло несколько мужчин» (Федченко, 1950:252).

При этом посох специально изготавливали из дерева «*tol*» (ивы). Потому что с древности ива почиталась нашим народом (Писарчик, 1987:255). До сих пор среди ферганцев сохранилась вера в табуированные рощи и деревья – якобы, срезание или срывание веток с этих деревьев приводит к несчастным случаям.

Следует отметить, что среди людей, живущих в районах близ Коканда, до сих пор сохраняется обычай оплакивания с посохом. В день похорон по обычаю оплакивания с посохом дети и близкие покойного идут впереди погребальных носилок.

Например:

*Хасса тутиб бораман, вой отам,
Хасса якка, ман якка, вой отам.
Суянчигим эдингиз, вой отам,
Энди кимга суюнаман, вой отам.*

Я иду, держа в руке посох, ох, батюшка,
Я одинокий, посох один, ох, батюшка,
Вы были опора для меня, ох, батюшка,
Теперь на кого буду опираться, ох, батюшка (Ўраева, 2003:61).

После погребения посох оставляли на головной стороне могилы. По народным верованиям посох превращается в дерево, и покойник снова воскресает. Это связано с мифологическими представлениями о «Древе жизни». По древней мифологии «Древо жизни» не умирает как символ вечно обновляемой природы (Ремпель, 1987:5).

В наши дни мужчины подпоясывают халаты и надевают тюбетейки. Женщины оплакивают умершего в течение сорока дней «*qirqigacha*». По обстоятельствам исполнения можно выделить пять видов ритуального оплакивания:

1. Оплакивание тотчас после смерти человека как непосредственное выражение своего горя его близкими по поводу утраты. Оно сопровождается громкими воплями, горестными возгласами и импровизированными причитаниями, исполнявшимися нараспев (Кармышева, 1986:149). Такие причитания К.В.Чистов назвал «плач-вопросение», в котором причитывающие, обращаясь к умершему, спрашивают его, почему он покинул семью, просят его открыть глаза, встать, заговорить, простить обиды (Чистов, 1960: 38). Например:

*Нега мени ташлаб кетдингиз,
Ёруғ куни кўрмай қандай яшайин?
Отингизга арпа йўқмиди?
Қариндошлар сизга ёмон бўлдими?
Ёки менадан конглингиз қолдими?*

Что же ты оставил меня,
Жить, не видя светлого дня?
Или не было ячменя,
Для коня, твоего коня?
Иль была недобра родня?
Или ты разлюбил меня? (Горе проходит - песни остаются, 1965:188).

К.В. Чистов называет «плачем-оповещением» - оплакивание, когда встречаются и приветствуют каждую из вновь пришедших с соболезнованиями женщину, обнимая её. Основная тема «плача-оповещения» - рассказ о том, как наступила смерть. Основной образ этого плача – сравнение умершего с закатившимся солнцем, упавшей звездой, погасшей (звездой) свечой (Чистов, 1960:38). Например:

*Бизга доим меҳрибон эдингиз,
Бу балога қайдан йўлиқдингиз.
Осмонимизда ўнта юлдуз бор эди,
Аммо ёрқин юлдуз сўниб қолди.*

Ты всегда был с нами добр и прост,

Почему ж с тобой стряслась беда?
В нашем небе было десять звёзд,
Но померкла яркая звездах (Горе проходит - песниостаются,1965:192).

Женщины оплакивали стоя, ударяя себя кулаком в грудь, и выкрикивали: «*О гулим*» (О, цветок мой), если умерший был молодым сыном или мужем «*О, Шоҳим*» (Ветвь моего дерева), «*О, жигарим*» (О, печень моя), если умерший был родственником (Шаниязов, 1964: 154) В основе погребальных плачей, являвших собой в первоизданном виде крик, облегчавший реакцию на смерть близкого человека, затуманенную скорбью душевную боль при исполнении похоронных причитаний. Горестные восклицания перемешиваются с эпитетами, восхваляющими покойного.

Оплакивание считается обязательным. Неоплаканый покойник вызывает сожаление окружающих. Считают, что душа его не может найти успокоения (мархумни руҳи тинчланмайди). До сих пор у узбеков таджиков Ферганской долины считается большим позором, если покойный остался неоплаканным. Именно поэтому еще и поныне некоторые старые женщины заранее просят кого-либо причитать на их будущих похоронах.

У сохских таджиков и узбеков (Сох – горный район Ферганской области), женщины, оплакивая близкого, разрывали свои платья от ворота донизу. Большинство этих ритуалов, как собственно и сам обряд похоронных причитаний, восходят к архаичным верованиям (Мустафина, 1992:103). Как полагают многие ученые, в данном случае имеет место сохранение обычаев и практик зороастрийской религии (Брагинский, 1956: 26). Надо отметить, что в этих горных районах, изолированных в прошлом от других областей Средней Азии, сохранилось немало пережитков, древних верований, представлений, обычаев и обрядов. В сохском фольклоре, связанном с причитаниями, также содержится большое число архаичных черт. Обычай разрывания платья, посыпания себя пылью или золой – всё это нашло отражение в фольклоре, который является драгоценным историко-этнографическим источником (Пропп, 1970:30).

У узбеков и таджиков Ферганской долины безвременно умерших горько оплакивают, но особенную скорбь вызывает смерть юношей и девушек, не исполнивших свой земной долг, не оставивших после себя потомства и, следовательно, памяти о себе. О них говорят: «Ушли из мира без следа» (номини ҳам қолдирмай кетди), «не видевшие свадебного занавеса» (чимилдиқ кўрмай кетди). Имеется в виду, что у них не было свадьбы, во время которой они стояли бы у «трона» - возвышения из одеял и подушек, как это принято по обряду. Поэтому похороны молодых людей, не бывших в браке, устраивают как имитацию свадьбы. У узбеков стелют новую постель у возвышения-«трона», выставляют приготовленное приданое – часть одежд развешивают «сеп ёйди», часть набрасывают как на свадьбе, но в

противоположность свадебной традиции на похоронах все делается наоборот: вещи раскладывают в левом углу комнаты, а не в правом (Бабаева, 1993:41).

Умерших никогда не называют мертвецами, а говорят «мехмон» (гость), «*рахматлик*» (покойник), а умершую девушку или юношу всегда и везде называют «келин» (невеста) и куёв (жених). Например:

*Вой қизим, вой келин қизим,
Вой унашиб қўйган қизим.
Ўз онасининг жони,
Т ўй чимилдигин деворда қолди.*

О, дочь моя, о, моя невеста,
О, моя просватанная дочь,
Душа своей матери,
Твой свадебный занавес остался на стене (Бабаева, 1993:42).

На умершую девушку набрасывают яркие вышитые платья, платки и вышивки, на умершего юношу - халат, поясной платок и тюбетейку. Под платок или тюбетейку прикалывают желтые цветы или колючки, так как по народным представлениям желтый цвет - цвет прерванной, загубленной жизни (Бабаева, 1993:42). В связи с такими представлениями, в народе не принято сажать в домах и палисадниках цветы с желтыми соцветиями.

Один из наиболее частых мотивов в узбекских плачах – жалобы и упреки, обращенные к покойному. В этих причитаниях оплакивают мужа, ребенка, брата или другого близкого человека, в них содержатся жалобы на жестокость небес, судьбы, обращение к богу. В причитаниях очень четко проявляется и драматургическая сущность: вопленица ведет диалог, она постоянно к кому-то обращается, рассказывает своим слушателям о событиях ее взволновавших (Круглов, 1982:12).

Как удалось заметить, в узбекских причитаниях о покойном никогда не говорится «мурда» (труп), «*жасад*» (тело), «*марҳум*» (усопший), «*ўлик*» (мертвец), их заменяют такими метафорическими словами как «*терагим*» (тополь мой), «*гулбан*» (изящная красавица), «*учар қанот*» (летучие крылья), «*баланд тоғ*» (высокая гора), «*сарийғ'*» (сливочное масло), «*темир қўрғон*» (железная крепость), «*калам қош*» (тонкие брови), «*ипак арқон*» (шёлковая веревка) «*яйловим*» (летовка моя), «*қишловим*» (зимовка моя), «*табибим*» (мой лекарь), «*тўлин ой*» (светлый месяц), «*олтин соққа*» (золотой шар), «*сарбоним*» (караванщик мой), «*ширин сўзим*» (сладкоречивый мой), «*давлат қушим*» (птица счастья моя), «*лочиним*» (соколенок), «*чинорим*» (платан мой), «*булбул*» (соловей), «*йигитларнинг сардори*» (предводитель юношей) «*арғумок*» (аргамак), «*чавандозлар подшоҳи*» (падишах всадников), «*бургутчам*» (орленок), «*қулуним*» (жеребенок), «*арслоним*» (мой лев), «*ёрқин юлдуз*» (яркая звезда) и т.п. Покойницу же называют «*уйнинг бекаси*»

(хозяйка дома), «моҳир бека» (искусная хозяйка), «уйнинг арзандаси» (любимица дома).

Например:

*Юракдаги аламимсан,
Агар қушсан, булбулсан
Туя бўлсан сардорсан,
От бўлсан, аргумоқсан.*

Ты , о горе души моей,
Если птица, то соловей.
Если ты верблюд, то вожак,
Если лошадь, то аргамак (Горе проходит - песни остаются, 1965:190).

По этому поводу У.Конкка отмечает: «Обрядовые причитания подчинены определенной системе религиозных верований, на которых держится и сам обряд. Семейные обряды были актами критическими в жизни отдельного человека и всего родового коллектива, они обставлены множеством запретов, потому что именно в переломные периоды жизни человека подстерегают всякие опасности в виде духов, мифических существ, злых людей, колдунов и т.д. На свадьбах и похоронах о главных действиях говорится иносказательно, в виде загадок, которые понятны участникам обряда, но мыслятся непонятными для всех вредоносных сил.

«Табу на имя покойника является самым распространенным, общечеловеческим источником метафорического языка», - пишет С.Хонко. Это можно считать уже доказанным благодаря огромному количеству наблюдений из жизни разных народов, а также ряду специальных работ о табу... Д.К.Зеленин, рассматривавший табу на имя умершего, так же как Дж.Фрэзер, считал, что причиной запрета на личное имя является боязнь «накликать» покойника, вызвать его нежелательное прибытие» (Конкка, 1975:102-103).

Как знак траура синий и чёрный цвета были довольно распространены с древнейших времён. Люди считали белый цвет символом жизни, а чёрный, наоборот, символом смерти (Тэрнер, 1983:87). Суть религии древних иранцев (зороастризма) – известное противоборство добра и зла, светлых и тёмных сил. В мифах зороастрийцев божество Солнца Митра ездит по небу на белых конях. В виде великолепного белого жеребца божество Тиштрий приближается к берегу моря, где встречает демона засухи, в виде другого жеребца, но чёрного и уродливого (Мэри Бойс, 1987:14). По данным М.С. Андреева (1873-1948), в Касане, расположенном вблизи Намангана, женщина, носящая траур по мужу, одевается во всё чёрное (Кармышева, 1986:174). У киргизов причитающая женщина перед тем, как начать причитания, накрывает голову чёрным платком (Диваев, 1898:558). В узбекских похоронных причитаниях чёрный

цвет символизируют траур и разлуку.

Например:

*Оқ кўйлак атласдан,
Кеча хашам кийгандим,
Бугун қора лаънатланган,
Индан тикилган кўйлак кийдим.*

Я вчера надевала богатое,
Из атласа белое платье.
Нынче чёрное и проклятое,
Нитяное надела я платье (Горе проходит - песни
остаются, 1965:187).

Итак, будучи одним из древнейших жанров в узбекском фольклоре, узбекские похоронные причитания имеют большое познавательное историческое и художественное значение (Саримсоқов, 1989:209). В современной действительности традиционный похоронный ритуал утратил свои старые функции, но жанр причитаний продолжает существовать и развиваться. В данном исследовании использовались научные материалы, а также устные источники.

Известно, что конфессиональные *улама* до настоящего времени основную причину «всех бед и проблем мусульман» видят в том, что они отделились от исполнения ритуально-правовых предписаний (Бабаджанов, 2007:16). В том числе и в отношении к похоронным причитаниям. По религиозным догмам ислама похоронные причитания рассматривались как «*бидъат*» (нововведение), т.е., обычай огнепоклонников.

Шариат (мусульманская концепция права) не одобряет оплакивания умершего, хотя и не запрещает этого. Запрещается только делать это громко (Иордан, 2001: 515). И это несмотря на то, что изречение пророка Мухаммада гласит: «Моя община не может потерпеть четырех обычаев язычества: хвастовства добрыми делами, опорочивания происхождения других людей, веры, что плодородие зависит от звезд, и плача над мертвыми». ² Недопустимо также, чтобы близкие и родственники покойного царапали себе лицо и тело и наносили своему телу другие повреждения. Ислам запрещает и профессию плакальщиц по мертвым, хотя вопреки запретам Ислама во многих мусульманских странах все-таки существуют профессиональные плакальщицы, обладающие особенно трогательными голосами. Тысячу лет Ислам боролся против профессиональных плакальщиц, всюду их преследуя (Керимов, 1974:54).

Как верно отмечает венгерский исламовед И.Гольдциер (1850-1921), ни с одним из пережитков культа мертвых ислам не боролся так

² Об этом см: Абу Абдуллох Мухаммад ибн Исmoil ал Бухорий. Ал-жомъи ас-сахих. Т.: Қомуслар бош тахририяти, 1991; Раҳматулло Қосим Усмон ал Ҷший. Марҳумни дафн этиш маросимлари. Ўш. 1993.

энергично, как с институтом плача по умершим. В некоторых местах плач по умершему продолжался до тех пор, пока не умирал другой, равный ему человек, и тогда плач переносился на него (Гольдциер, 1938:151).

По этому поводу узбекский ученый-востоковед Б.Бабаджанов отмечает: «Пожалуй, самая большая группа фетв³ САДУМ⁴ связана с существующими погребально-поминальными обычаями, а также с ритуалами, проводимыми во время торжеств (свадьбы, хатна тўй - суннат, бешик тўй и др.)⁵. Этнографам хорошо известен целый комплекс подобных обрядов и ритуальных действий, восходящих, очевидно, к доисламскому прошлому местных народов, что всегда было предметом критики мусульманских богословов. С момента основания Духовного Управления, фетвы (в виде отдельных фетв по каждому из названных действий, либо в их комбинациях) или письменные обращения к имам-хатибам, простым верующим, посвященные этим вопросам писались примерно каждый год, что говорит о живучести осуждаемых в них обычаев.

В первую очередь к числу запретных действий (харом) отнесены громкие причитания и чтение нараспев рифмованных текстов плакальщицами (марсияхонлар) на джаназе» (Бабаджанов, 2001:104).

В свое время Ахмад Ходи Максуди (1868-1941) подчеркивал: «Траур допустим. Но оплакивание не допустимо. Плач над мертвым – это пережиток язычества (джахилия) (Ахмад Ходий Максудий, 2007:158).

Мусульманская традиция хранит следующие предания. Халиф Умар ал Фарук (примерно 585-644) наказал сестру первого халифа Абу Бакр ас-Сиддика (571-634) за то, что она плакала по умершему брату. Внук Пророка ал-Хусайн ибн Али (626-680), раненный солдатами, посланными сирийским наместником Йазидом ибн Муавией (645-683), сказал своей сестре: «Я заклинаю тебя, чтобы ты ради меня не раздирала бы своих одежд и не царапала бы свое лицо, и не заводила бы плача». Сообщают также, что дядя Мухаммада ибн Аббас (712-775) затыкал себе уши, когда слышал плач по умершим. А завоеватель Египта арабский полководец Амр ибн аль-Аса (ум.663) говорил: «Когда я умру, то не плачьте по мне, не отмечайте моей могилы ни деревом, ни камнем. Когда вы меня похороните, посидите у моей могилы, пока не убьют верблюда и не раздадут его мясо, чтобы я мог еще столько времени насладиться вашим обществом» (Гольдциер, 1938:148).

Мусульманское учение и шариат, не одобряя оплакивания, требуют терпеливо переносить горе. Терпение (ас-сабр) считается наивысшей добродетелью. Четвертый халиф ‘Али ибн Аби Талиб (656-661) говорил, что

³ Фетва (ар. *fatwa*) - решение по ритуальным, догматическим и иным вопросам веры, выносимое одним или несколькими богословами определенного махаба.

⁴ САДУМ – Среднеазиатское Духовное управление мусульман, созданное в 1943 г. Позже название и, соответственно, аббревиатура изменились: Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана.

⁵ Об этом см: ЦГА УзССР Фонд № 2456, Оп. № 1, № 589, Л.153-158. Фетва духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана о несовместимости «ишанизма» и «мюридизма» с основными догмами исламского шариата.

терпение (ас-сабр) в вере – то же самое, что на туловище голова» (Мақсудхўжа ибн Мансурхўжа, 1996:245).

Однако, человеческое горе, связанное со смертью близких, оказалось сильнее религиозных запретов, и в современных условиях мусульманское духовенство молчаливо обходит обряды оплакивания умерших. Поскольку причитание – продукт естественных человеческих чувств, которые не всегда совпадают с религиозными установками (Набиева, 2006:260).

Тут уместны также слова Б.Бабаджанова: «Как бы там ни было, урф и одат (обычай) занимали значительное место в культурных и бытовых традициях местных народов, и, как нам кажется, их стандартная характеристика как «неисламских» (или «доисламских») реликтов и обычаев, не всегда корректна, поскольку они не могут выноситься за пределы ислама, как явления регионального, имеющего свои постоянно развивающиеся локальные формы бытования» (Бабаджанов, 2001:110).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аҳмад Ходий Мақсудий. Ибодати исломия. – Тошкент: Мовароуннахр, 2004.
2. Бабаджанов Б. О фетвах САДУМ против «неисламских обычаев» // Ислам в Центральной Азии. Взгляд изнутри. Москва, 2001.
3. Бабаджанов Б.М. Журнал «Naqiqat» как зеркало религиозного аспекта в идеологии джаидов. Вводная статья, критический обзор и факсимиле: Б.М. Бабаджанов. TIAS Central Eurasian Research No.1. Tokyo, 2007.
4. Бабасва Н. С. Древние верования горных таджиков южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец XIX – начало XX века). Душанбе: Дониш, 1993.
5. Басилов Н. Доисламские верования в сознании и поведении современных верующих // Ислам: происхождение, история и современность. Москва: Знание, 1984. № 11.
6. Беленицкий А.М. Вопросы идеологии и культов Согда. // Живопись древнего Пянджикента. Москва: Наука, 1954.
7. Брагинский И.С. Из истории таджикской народной поэзии. - Москва, 1956.
8. Гольдциер И. Культ святых в исламе. – Москва, 1938.
9. Горе проходит - песни остаются. Узбекское народное творчество. Ташкент, 1965.
10. Диваев А. Киргизские причитания по покойнику. Известия общества «Археология, история и этнография». Том XIV вып 4-6. Казань 1898. С.558
11. Дьяконов М.М. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. // Живопись древнего Пянджикента. –Москва: Наука, 1954.
12. Дьяконова В.П. Отражения погребального обряда тувинцев в фольклоре. // Фольклор и этнография. – Ленинград: Наука, 1974.
13. Иордан М.В., Кузеев Р.Г., Червонная С.М. Ислам в Евразии. Москва: Прогресс-Традиция, 2001.

14. Кармышева Б.Х. Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы. // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. - М.: Наука, 1986.
15. Керимов Г.М. Шариат и его социальная сущность. – Москва: Наука, 1978.
16. Конкка У. Табу слов и закон иносказания в карельских плачах. // Проблемы фольклора. - Москва.: Наука, 1975.
17. Круглов Ю.Г. Русские обрядовые песни. Москва, 1982.
18. Лившиц В.А. Юридические документы и письма. // Согдийские документы с горы Муг. Вып II. Москва, 1962.
19. Максудхўжа ибн Мансурхўжа. Мажмаъ ул-максуд. –Тошкент: Адолат, 1996.
20. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – Москва- Ленинград, 1951.
21. Мустафина Р.М. Представления, культы, обряды у казахов. Алма-Ата, 1992.
22. Мэри Бойс. Зороастрийцы. Верования и обычаи. - Москва.: Наука, 1987.
23. Набиева О. Марсийа. // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. I. Москва, 2006.
24. Писарчик А.К. О пережитках культа ивы у таджиков // Прошлое Средней Азии. Душанбе.: Дониш, 1987.
25. Пропп В.Д. Фольклор и действительность. - Москва, 1970.
26. Рахимов М. Обычаи и обряды, связанные со смертью и похоронами у таджиков Кулябской области. Известия Отделения Общественных Наук АН Таджикистана. № 3. Душанбе, 1953.
27. Ремпель Л.И. Цепь времен. - Ташкент, 1987. С.5
28. Русская народно-бытовая лирика. Причитания севера в записях В.Г.Базанова и А.П. Разумовой. Вступительная статья и комментарий В.Г.Базанова. Москва-Ленинград, 1962.
29. Саримсоқов Б. Ўзбек маросим фольклорлари // Ўзбек фольклор очерклари. Уч томлик, биринчи том. - Тошкент:Фан, 1988.
30. Татары среднего Поволжья и Приуралья. Москва Наука, 1967.
31. Тэрнер В. Символ и ритуал. - Москва: Наука, 1983.
32. Федченко А.П. Путешествие в Туркестан. Москва.: Географиздат, 1950.
33. Чистов К.В. Русская причеть. Ленинград.: Советский писатель, 1960. С.38
34. Шаниязов К. Узбеки-карлуки. – Ташкент: Фан, 1964.
35. Ягодин В.Н., Ходжаев Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. -Ташкент: Фан, 1970.
36. Ўраева Д. Мотам маросими айтимларининг ижро босқичлари. // Ўзбек тили ва дабиёти. – Тошкент, 2003. № 5.

Nodirjon Abdulaxatov (Özbəkistan)

Özbək xalq dəfn mərsiyələrinin folkloru (Fərqanə vadisinin materialları əsasında)

Xülasə

Məqalədə mərsiyə janrı ətrafı təhlil edilmiş, mərsiyə-nəğmələrdən parçalar verilmiş, əsas diqqət dəfn mərsiyələrinə verilmiş, həmçinin dəfn və anım mərasimlərinin aparılması ilə bağlı digər ayin, adət və mərasimlər nəzərdən keçirilmişdir.

Bəşər tarixi boyu ölümün dağıdıcı gücü mədəni yaradıcılıq üçün təkan olmuşdur. İnsan cəmiyyəti ölümə, yox olmağa və yoxluğa qarşı təkcə axirətə və/yaxud dirilməyə inancını deyil, həm də söz, əşya və hərəkətlərdən ibarət güclü bir maneə qoyur. Bütün xalqların ruhlara və axirət həyatına inancları var və insanlar öləndə xüsusi ayinlər yerinə yetirilir.

Bir qayda olaraq, dəfn mərasimləri ölümün fəvqəladə olsa da, məişət, ailə və icma işləri cərgəsinə köçürülməsinə xidmət edir. Bu ayinlərdə qadınların xüsusi rolu olduğu görünür. Müəllif genişlənməyə çalışan, lakin rəsmi və ya dini hakimiyyət tərəfindən sıxışdırılan və məhdudlaşdırılan dəfn mərsiyələri ənənəsinin tarixini izləyir.

Açar sözlər: *yas, mərasim, ölüm, tarix, kədər, ayrılıq, bədbəxtlik, qəbir, tabu (qadağa), folklor, dəfn, adət.*

Nodirjon Abdulakhatov (Uzbekistan)

Folklore of Uzbek folk funeral mournings (based on the materials of Fergana valley)

Abstract

This article provides a detailed analysis of the mourning genre, includes excerpts from marsiyeh (elegy) songs, and focuses primarily on the meaning and structure of funeral ceremonies. In addition, it explores various memorial and burial rituals, as well as associated traditional customs and practices.

The destructive nature of death has served as a powerful source of inspiration for cultural creativity throughout human history. Human society has placed against death, disappearance, and non-existence not only its belief in an afterlife and resurrection, but also a strong barrier of words, objects, and actions. All peoples believe in spirits and the afterlife, and all perform special rituals when people die.

As a rule, funeral rituals serve to transfer death to the category of, albeit extraordinary, domestic affairs, family and community affairs. It is evident that, women played a special role in these ceremonies. The author traces the history of the tradition of funeral mourning, which has sought to expand in scope but have often been suppressed by official and religious authorities.

Key words: *mourning, ceremony, death, history, grief, separation, misfortune, grave, taboo, folklore, funeral, tradition.*